

Верность

Село Малое Ильинское, в которое мы пришли к о. Иоанну Мантрову, справляющему в этом году сорокалетие своего пастырского служения, названо в честь храма Ильи пророка. А Малым оно именуется потому, что раньше эти земли относились к Угличу, недалеко от которого есть ещё одно село Ильинское, именуемое тогда Большим. Колокольню Ильинского храма видно с Тархова холма, видно от сельца Дмитровского. Стоит она, как большая свеча в поле, поставленная русским человеком Богу.

Добираться до Малого Ильинского круглый год можно только лишь пешком порядком. А это от села Дмитровского километра четыре. Хлеб привозят на тракторе раз в неделю, если привозят.

Совхоз развалился. Деревня богата своим трудом. Сам о. Иоанн, когда мы подошли к дому священника, хлопотал на огороде около пчелиных ульев. Хозяйство большое, земли хватает... Как здоровье? Батюшка грустно посмеивается: поехал недавно в больницу с ногами, а свалился с инфарктом. Пролежал в больнице 40 дней. Только вот выкарабкался... В доме всё просто и чисто. Завораживает бой старинных часов — умеренный, с хрипотцой... Батюшка, явно взволнованный (понаехали с фотоаппаратами, диктофонами, телевидением), садится под иконы, откашливается. И рассказ начинает не с себя, юбиляра, а с истории храма.

«Был тут Конуркин Алексей Андреевич, староста, председатель ревизионной комиссии. Его род всегда держал храм. Люди были зажиточные, религиозные. Последний Конуркин, Михаил Андреевич, в храме работал 43 года, построил новую колокольню, перестраивал храм. Это были 1912—1914 гг.»

Как передавал о. Иоанну ныне покойный Алексей Андреевич, в 1914 году обокрали храм. Из-за этого последний ярус колокольни пришлось сократить. Она должна была быть ещё выше...

Однако приходится поворачивать наш разговор на биографию самого священника. В грядущий праздник первоверховных апостолов Петра и Павла исполняется не только сорок лет священнической хиротонии о. Иоанна, но и сорокалетие его служения в одном храме...

Из послужного списка:

Мантров Иван Степанович, настоятель церкви Ильи Пророка с. Малое Ильинское. Родился 26 августа 1927 года в с. Максы Сараевского района Рязанской области. Русский. Закончил 6 классов средней школы.

Женат на девице Евдокии Фёдоровне Старковой, повенчан 21 июля 1948 года. В сан диакона рукоположен епископом Угличским Исаией 10 июня 1957 года, в сан священника 23 июня 1957 года.

Просим батюшку рассказать о себе... Отец был глубоко верующим, работал при храме, за что в 39-м попал под репрессии. Но скорби только закаляли веру. В 1946 году отец принимает священнический сан, священниками становятся и два его сына. До войны Иван работал на шарикоподшипниковом заводе, в 1944 году забирают в армию, в 46-м комиссуют по сердцу. В 1950-м году ильинские жители в Москве пригласили будущего священника в своё село, в храм Ильи Пророка...

Тогда Илия сказал всему народу: подойдите ко мне. И подошёл весь народ к нему. Он восстановил разрушенный жертвенник Господень... Во время приношения вечерней жертвы подошёл Илия пророк (и воззвал на небо) и сказал: Господи, Боже Авраамов, Исааков и Израилев! ... Услышь меня, Господи, услышь меня! Да познает народ сей, что Ты, Господи, Бог, и Ты обратишь сердце их (к Тебе)... (3 книга Царств, 18 глава, 30, 36, 37 стихи.)

В 1953 году, старые люди помнят, прошёл по нашей земле страшный ураган. Он выворачивал с корнем деревья, повалил около 290 га леса. В Ростове Великом опрокидывал железнодорожные составы, разорял дома. Некоторые деревни сносило полностью с лица земли. От Малого Ильинского осталась половина домов. На церкви повалило крест. Ливни были такие, вспоминает батюшка, что на церковном чердаке воду собирали в ведра, лохани, корыта, выливали через окна. Храм протекал до невозможности.

Своё священническое служение о. Иоанн начал с того, что перекрыл на храме крышу и поставил на колокольне Святой Крест, повреждённый ураганом 1953 года. Крест батюшка ставил сам...

«Был у меня мотоцикл К-55, хороший, — вспоминает о. Иоанн, — на нём я ездил в Загорье, 9 км отсюда, был там хороший кузнец, он мне крест ковал, по частям привозили... Огромный крест вышел, ставили — страшновато было. Я ведь в подряснике лазил, подрясник за слези цепляется, а высота метров 50. Были леса, сделали блок, службу отслужили и после службы я полез. До школы верёвку натягивали крепкую...

Был у нас участковый Александров Валентин Алексеевич, он проезжал на мотоцикле. А я крест красил. Поставил лестницу и красил. Хоть бы привязал... А он подъехал, взглянул наверх и убежал в дом, пока я не слез оттуда. Страшно было ему смотреть...»

Поразил местных жителей молодой священник не только своим мужеством, но и мирным нравом, трудолюбием, заботой о пастве.

И вошёл он там в пещеру и ночевал в ней. И вот, было к нему слово Господне, и сказал ему Господь: что ты здесь, Илия? Он сказал: возревновал я о Господе Боге Саваофе, ибо сыны Израилевы оставили завет Твой, разрушили Твои жертвенники и пророков Твоих убили мечом; остался я один, но и моей души ищут, чтобы отнять её. И сказал: выйди и стань на горе пред лицом Господним, и вот, Господь пройдёт, и большой и сильный ветер, раздирающий горы и сокрушающий скалы пред Господом, но не в ветре Господь; после ветра землетрясение, но не в землетрясении Господь; после землетрясения огонь, но не в огне Господь; после огня веяние тихого ветра, (и там Господь). (19 глава, 9—12.)

Во время хрущёвских гонений о. Иоанну посоветовали уехать из села, предлагали хорошее место в Покровской церкви в Переславле. Намечалось закрыть два храма — Ильинский и Дмитрия Солунского в селе Дмитровском, где дослуживал старенький священник протоиерей Николай Мариинский. Такое скопление действующих храмов на малой площади раздражало уполномоченного по делам религии. В стране к 1980 году был объявлен коммунизм, а тут «расцвет мракобесия». По смерти о. Николая храм в Дмитровском быстренько закрыли. С Ильинской церковью не справились... Уполномоченный «давит» на архиепископа (тогда был владыка Никодим). Тот пишет о. Иоанну указ о переводе в Переславль. Прихожане едут в Москву и хлопочут. Москва предписывает храм оставить. Владыка указ отменяет...

«Переводили меня и владыка Исаия, и владыка Никодим, — вспоминает о. Иоанн. — Если бы я уехал — храм закрыли бы сразу. А я задерживался чьими-то молитвами. Старушки тут очень молились о храме... Владыка Никодим мне около двух месяцев посылал указ за указом. Отец Александр Красноцветов, секретарь, неоднократно предупреждения посылал, угрожал за штат уволить... Я их не корю. Они же ведь время выиграть хотели. На владыку „наседают“ — он мне указ. Москва отступает — владыка тоже... И так далее. Сам-то архиепископ, конечно, хотел храм сохранить. Все архиереи хотят...»

Любил молодой пастырь ходить по домам своих прихожан: «со святом» и так просто, с требами... За это неоднократно вызывали его в Нагорье (тогда был Нагорьевский район). «Говорили мне, — вспоминает о. Иоанн, — вот вы ходите по домам, а там, может быть, член партии живёт?! Какое вы право имеете? А я им говорю: „Я нигде на домах трафаретки не видел: ТУТ ЖИВЁТ ЧЛЕН ПАРТИИ. Меня зовут, встречают на улице радостно, я захожу...“»

Пропечатавали про ревностного пастыря в газетах: и в «Северном крае», и в «Коммунаре». Писали: шатается по домам, обирает старушек, пьянствует...

«На меня это морально действовало. Я только на совесть народа и надеялся. Людям всё видно. Я понимал, что газетчикам дали сигнал сверху — вот они и старались запачкать меня. Я же глаза мозолил. Нужно было меня опозорить и убрать. А простые коммунисты, колхозники Всегда ко мне относились нормально. Были ярые коммунисты. Один голос повысит — другой всегда его одёрнет... А я в храме трудился и просто старался людям помочь... Я и не боялся никого...»

Батюшка скорбно смотрит за окно.

«Что же они, безбожники, с народом сотворили...»

В настоящее время приход храма Ильи-Пророка составляет человек пятнадцать, из них местных человек шесть. В основном — дачники. Из окрестных деревень зиму зимовала только одна семья. Старушки уезжают в город. Сараево, Кишкино, Березники, Загорье — деревни, составляющие приход храма, обезлюдели. На Пасху было человек сорок... На Сретенье — пять... Храм при о. Иоанне грабили шесть раз. Украли 56—58 икон, служебные сосуды. Милиция приедет, перепишет — и никаких следов, как в архив...

И подошёл Илия ко всему народу и сказал: долго ли вам хромать на оба колена? если Господь есть Бог, то последуйте Ему; а если Ваал, то последуйте. И не отвечал народ ему ни слова. И сказал Илия народу: я один остался пророк Господень, а пророков Вааловых четыреста пятьдесят человек (и четыреста пророков дубравных)... (18 глава, 21, 22 стихи.)

Мы прощаемся с гостеприимным, но подуставшим от суетливых гостей батюшкой, с его энергичной матушкой Евдокией, которая содержит хлопотное хозяйство, одна поёт на клиросе, убирается в храме, обшивает и обстирывает церковные ризы, покрывала и накидки, печёт просфоры, — на которой, одним словом, держится и храм, и всё хозяйство... Мы прощаемся с храмом. На стене паперти читаем загадочный барельеф-аббревиатуру: «ЦСМАК». Провожающий нас о. Иоанн, улыбаясь, расшифровывает: «Церковный староста Михаил Андреевич Конуркин». Колокольню штукатурили в 1926 году. Тогда аббревиатуры любили...

К храму прижимаются могилки кладбища. Тут умиротворение и покой. Тишина храма нарушается бодрым колокольным трезвонном — батюшка демонстрирует нам свои колокола, удивительно чистые и мелодичные по звучанию. Удручает виз разорённого ворами иконостаса. Страшно думать о судьбах тех людей, которые проникали сюда с грабительской целью, в дом Матери Божией (один из приделов освящён в память праздника Введения Пресвятой Богородицы во храм), в обитель Илии Пророка (центральный летний храм) и святителя Димитрия Ростовского (второй придел). Что-то их уже постигло или постигнет скоро в этой кратковременной жизни, когда иссякнет последняя капля Божьего долготерпения. А что ждёт их за гробом, как и тех, кто травил монахов и священников, разорял и закрывал храмы не по-воровски, а среди бела дня, кто вытапывал в народной среде христианское благочестие, кротость, любовь, воздержание и насаждал разврат, пьянство, тунеядство...

Но среди уцелевших икон со стены храма с неземной скорбью и состраданием в очах смотрит на нас Царица Небесная, Иверская... И я осекаюсь в своём гневе...

Позади остаётся колокольная-свеча Ильинского храма.

А что впереди? Поживём — увидим.